

Вест. Москва 1976, 12 окт.

ВАШЕ МНЕНИЕ?

ТЕАТР И ДЕТИ

НЕДАВНО по телевидению повторно был показан фильм «Поздний ребенок». Лукавая, печальная и добрая картина. Ее литературная основа принадлежит Анатолию Алексину. Но, думаю, что ни он сам, ни режиссер, ни редакторы телепрограмм не стали бы уверять, что «Поздний ребенок» — это для детей. Потому что один из главных мотивов вещи — непостоянство взрослой любви.

Главный герой, милый и нелепый очкарик лет 12, не преуспел в своих «брачных» хлопотах, не удержал возле незамужней сестры ее любимого... А можно ли показывать детям такую беду, как инфаркт у папы, смертельную угрозу над дорогим человеком? Да и вся интонация фильма, хотя она и богата юмором, «горчит» на вкус...

Показ «Позднего ребенка» начали поздно, мой сынтретьеклассник уже лег спать. Этот странный сюжет, этот сложный горьковатый юмор обошли его стороной. Ну и хорошо, что обошли, скажут мне.

— Плохо! Обидно! — ни за что не соглашусь я. Не соглашусь как отец. Как учитель по первой профессии. И как драматург тоже. Я убежден: детям полезно такое искусство. Рассчитанное не специально на них, а скорее, на общесемейное восприятие, оно привлекательно для ребят именно потому, может быть, что не протамповано печатью «детского адреса».

Это самая настоящая «эстетическая школа нравственности» (так называл искусство А. И. Герцен), но дети, не зная о том, что это «школа», с интересом заглядывают и проникают в ее «старшие классы». Там говорят о жизни проблемно, остро, гневно, весело и пусть, пусть не всегда понятно, зато не адаптировано, не подслащивая и не упрощая.

Меня притягивает и волнует эффект совместности разных поколений в зрительном зале. Может быть, говоря об этом так настойчиво, я вношу путаницу в ясную тему «Театр и дети»? Нет, ту же мысль высказывает и Ю. Янгильский, начавший дискуссию, а главное, эффект, за который я ратую, так хорош, что ради него, думается, стоит пожертвовать «непреклонными вертикалями» рубрик, тематических и возрастных.

Едва ли возможно планировать заранее такой эффект — он, как нечаянный подарок, появляется вдруг. И тогда взрослый фильм «Чапаев» становится любимей-

шим фильмом ребят. Или в Центральный детский театр устремляются взрослые, как было в начале 60-х годов, когда там шли пьесы Виктора Розова. Для кого он писал эти пьесы? Для себя и для всех — иного ответа быть не может. Семиклассник сидел рядом с бабушкой, и волновались оба! И учительнице, которая привела в театр свой класс, не приходилось шикать на ребят, без конца роняющих номерки с вешалки: не падали почему-то номерки, да и учительнице некогда было шикать!

В чем же секрет искусства, объединяющего нас с нашими детьми? Хотя этой «технологии» нам здесь не выяснить, одно несомненно: в ней нет «поддавков» и нет морализирования. Взрослые персонажи даны не затем, чтобы являть образец самой похвальной, самой отутюженной добродетели, а чтобы жить, иногда спотыкаясь, как все мы. Школьные проблемы не отделены для удобства их рассмотрения от самых глобальных и самых личных проблем. Дети живут не в специальном детском заповеднике, а бок о бок с нами, иногда восхищая, иногда раздражая нас, вмешиваясь в наши дела, донимая нас вопросами, пугая нас «болезнями роста» и делясь с нами своим нравственным здоровьем... Так это все и показано в искусстве, которому я объясняюсь здесь в любви.

Нет, это не покушение на пьесы и спектакли, созданные специально для детей, особенно для маленьких. Это приглашение оценить возможности других спектаклей и других пьес, которыми сегодня мы не очень богаты. По моим наблюдениям, эффект совместности разных поколений в зале успешнее всего достигается сейчас с помощью классиков — не случайно и Центральный детский, и московский ТЮЗ обратились за такой помощью к А. М. Горькому: поставили «Врагов» и «Последних». Этой превосходной цели служили и еще не раз послужат и Островский, и Чехов, и Гоголь, и Шекспир. На их значении для детского театра уже останавливался в своей статье Г. Мамлин, я целиком согласен с ним. И все-таки самое благодарное поприще для опытов по достижению «эффекта совместности» — конечно же, современность.

Когда «взрослые» театры поставили пьесу М. Рождина «Валентин и Валентина», залиты и режиссеры ТЮЗов чуть не вскрикнули: это же наша пьеса, товарищи! Смотрите, как ломится на нее наш юный зритель, не к нам ломится — обидно ведь! Поче-

му же нам упорно не советовали брать эту пьесу? Данную конкретную ошибку в ряде ТЮЗов исправили. Принципиальное заблуждение осталось... Многим продолжает казаться, что неправота

старших на сцене нежелательна. Что отстаивание юнцами своего права на любовь не по возрасту дерзко. Что всяческие «крайности» и «завихрения» молодых, если показывать их в театре, станут моделью поведения в жизни. Эти опасения звучали в ходе дискуссии, и я могу понять материнскую тревогу Г. Михайловой. И все же я бы повременил осуждать автора, который позволяет себе такую возмутительную реплику героини-девчонки:

— Отвяжись, мам...

Реплика непохвальная, это правда. Лучше бы ребенок сказал:

— Извини, мамочка, но мне бы хотелось побыть одной.

Автор это тоже понимает, но перед ним — живой характер. И конкретная, единственная в своем роде ситуация. Представьте, что девочку оскорбили, обманули, бросили, что у нее горе, смертельная тоска... Тогда, не правда ли, всякий поймет, что изысканная вежливость здесь нерациональна. Но зато вполне реален такой доброжелатель, который скажет автору:

— В таком случае, может быть, убрать эту ситуацию? Горе, тоска... Не стоит, знаете. Все-таки детский театр...

Я тоже за то, чтобы театр был генератором радости. Но одна из наибольших радостей, даруемых театром, — это эффект совместности поколений в зале. Впрочем, слабо сказано: в идеале хочется эмоционального братания поколений! Такое возможно только на основе полного доверия к зрителю. На основе убежденности, что он все поймет, что он умный и чуткий, знающий по опыту, что «жизнь прожить — не поле перейти», но не запуганный, не удрученный этим.

Чувствуя такое отношение к себе, разновозрастный зал отвечает благодарной тишиной. А по дороге домой бабушка и внук могут спорить о спектакле. Пусть спорят, пусть даже не договорятся до истины, до согласия — все равно здесь торжествует «связь времен». Это не просто художественная, это социальная заслуга театра — выпустить из своих дверей такую вот пару в «растрепанных» чувствах, в ажитаже спора или в сосредоточенном молчании, когда впечатление боязно расплескаться... Выпустить и знать наверняка, что они придут опять. И старый, и малый. Вместе.

Георгий ПОЛОНСКИЙ,
лауреат Государственной
премии СССР.